

«Звезда» МХАТа-второго

Сцена из спектакля Театра имени Ленинского комсомола «Месяц в деревне». Наталья Петровна — С. Гиацинтова, Верочка — Е. Фадеева.

Еще живут на свете люди, помнящие Софью Владимировну Гиацинтову, восхищавшиеся этой блистательной актрисой. Но есть ли хоть один человек, проработавший с ней в одном театре так долго, как я, — с 1934 года?! Думаю, что нет. И я горжусь этим, а главное — тем, что множество раз выходила на одну с ней сцену, являясь ее партнершей.

В 1934 году я поступила в театральную школу при МХАТе-2-м, где она работала. Поступила вместе с Юрием Любимовым, Георгием Вициным, Николаем Гриценко, Татьяной Карповой. Мы застали ее «звездный час». Какие роли! Какое блистательное исполнение! Как она была хороша! Казалось, да, очевидно, так и было, как человек, она была наполнена счастьем жизни — любовью к мужу — художественному руководителю театра Ивану Николаевичу Берсеневу, любовью зрителей, великолепными ролями, шедшими одна за другой, хвалебными рецензиями. И все это она щедро дарила зрителям. Она была предельно заразительна, из нее просто рвалась радость жизни. Такой ее застали немногие из ныне живущих. Она была одной из нескольких театральных «звезд» Москвы того времени. Да, это был ее «звездный час». У каждой из больших актрис он индивидуален. Иногда длится долго, иногда коротко. У С.В. он наступил и то не сразу во МХАТе-2-м. Я уж сейчас не помню последовательности ее блестящих ролей. Я застала великолепного «Сверчка на печи» Ч. Диккенса, где она и М.А. Дурасова играли в очереди главную роль Мэри, и шли целые баталии среди поклонниц той и другой.

Совершенно очаровательной она была в «Двенадцатой ночи» В. Шекспира. Там она играла характерную комедийную роль служанки Марии. Это была не роль, а брызги шампанского. Мы, ученики, приходили специально посмотреть сцену, где С.В. хохотала, спускаясь по

лестнице, чуть не падая от этого хохота. Она ведь прекрасно двигалась, была очень хороша собой. Зал постепенно заражался. И вот уже все зрители хохотали вместе с ней. А сексуально заразительная Амаранта в «Испанском священнике» Дж.Флетчера! Ставила спектакль знаменитая актриса и режиссер Серафима Германовна Бирман — мастер оригинальных мизансцен. Там была сцена игры в шахматы. И когда у героев приближался неизбежный поцелуй, у С.В. были полные руки шахмат, и в момент поцелуя они постепенно и как-то смыслово-убедительно падали. Она в этом действии как бы отдавала всю себя, и все было понятно без всяких постельных сцен...

Бытовало мнение, что С.В. не драматическая актриса, а характерная. Нет! Она была всякая. Стоит вспомнить ее Фелли из «Униженных и оскорбленных» Ф.М. Достоевского. Какой трагический монолог и какие блестящие рецензии, отмечающие именно драматизм ее исполнения!

«Мольба о жизни». Спектакль по этой пьесе Жака Дювала шел во многих европейских театрах. Пьеса блестящая — не помню, чей перевод; там в центре — два героя. Их играли Софья Владимировна и Иван Николаевич. В течение спектакля проходила вся жизнь этих людей. Они начинали молодыми, жизнерадостными, влюбленными, а кончали жизнь желчными, жестокими, уродливыми стариками. Необыкновенная смелость была в их игре, в их перевоплощении. Жак Дюваль, приехавший специально посмотреть спектакль, нашел, что из всех виденных им наш — лучший.

Спектакль прошел всего несколько раз, и вдруг — катастрофа! По решению правительства «так называемый МХАТ-2» (газетная формулировка) закрывается. Идет последний спектакль. Это «Мольба о жизни» (как совпало назва-

ние!). Кончается спектакль, закрывается занавес. Что делается в зале! Я не преувеличу, сказав, что зал рыдает, топает, кричит, проклинает, долго не отпускает артистов, они все плачут.

Через два года Берсенева становится художественным руководителем Театра рабочей молодежи — ТРАМ, — вскорости переименованного в Театр имени Ленинского комсомола. В театр приходит Софья Владимировна — большая актриса, режиссер, педагог, но уже без «звездности» и шампанского. Обстановка в театре сложная, есть враги. У С.В. появилась некоторая замкнутость. А тут еще развилась болезнь ног. Но по-прежнему — большие удачи: «Нора», «Месяц в деревне», «Семья», «Годы странствий». Но и все большие перерывы между ролями...

Если не ошибаюсь, с легкой руки друга С.В. умнейшего, интеллигентнейшего нашего актера Олега Николаевича Фрелиха к ней как бы приклеилось выражение «кружевница». Это о ее творческом методе работы над ролью. Как кружевница нанизывает отдельную петельку на петельку и получается нечто целое, так и С.В. плела нить роли, нигде не обрывая, естественно переходя из одного состояния в другое. Интересно было следить за сложными изменениями и нарастанием чувств. И поэтому всплеск, взрыв чувства был проявлением истинного темперамента, подготовленным и оправданным. Сейчас эти крики на сцене часто вовсе не темперамент, а просто «вольтаж».

Еще об одной милой, но всем знакомой черте С.В. (4 августа — Софье Владимировне Гиацинтовой — 100 17 августа — Олегу Павловичу Табакову — 60)

Обладавая большим чувством юмора, который она сохранила до самой смерти, С.В. была очень смешлива. Смешлива даже на сцене. Вот такой был случай, уже в Театре имени Ленинского комсомола. Я с ней играла в пьесе Николая Погодина «Моль». Там у нее была роль Агнессы Петровны — жены известного летчика. Она строила шикарную дачу и отчитывала подрядчика. Уходя, он должен был сказать в сторону зала: «Не баба, а лесной зверь». Не знаю, что случилось с актером В. Адлеровым, но вместо этих слов, он сказал: «не бас», потом, подумав, сказал: «не гас» и, уже уходя со сцены, добавил: «а земляной». Хотя сцена со мной должна была продолжаться, С.В. ушла за кулисы и там корчилась от смеха. Потом, конечно, уже спокойная вернулась, как-то оправдав свой уход.

Был у С.В. и со мной эпизод в этом роде. Мы — молодые актеры — сдавали вокал комиссии, состоявшей из наших ведущих мастеров. В комиссии была и С.В. Я долго, мучительно разучивала арию колоратурного сопрано, написанную в очень высокой тональности. Наш педагог — серьезная дама в очках и без юмора — не соглашалась изменить тональность и исключить фиоритуры. И вот я пою, чувствую что-то неладное. Бросаю взгляд на комиссию и вижу, что С.В. зажимает рот, сползает со стула. Педагог, близорукко разглядывая ноты, очень смешна в своем серьезе, а я выделываю фиоритуры голосом молодого охрипшего петушка. Тут, посмотрев на С.В., все расхохотались.

Заканчивая обрывки моих воспоминаний о Софье Владимировне с благодарностью судьбе за встречу с такой грандиозной личностью. За то, что прошла целую жизнь рядом с ней. За то, что она отстояла меня перед А.Н. Арбузовым в «Годах странствий», веря в меня (роль не сразу «пошла»). С ее помощью Люся Ведерникова оказалась для меня одной из самых лучших, дорогих работ.

Был у С.В. и со мной эпизод в этом

роде. Мы — молодые актеры — сдавали вокал комиссии, состоявшей из наших ведущих мастеров. В комиссии была и С.В. Я долго, мучительно разучивала арию колоратурного сопрано, написанную в очень высокой тональности. Наш педагог — серьезная дама в очках и без юмора — не соглашалась изменить тональность и исключить фиоритуры. И вот я пою, чувствую что-то неладное. Бросаю взгляд на комиссию и вижу, что С.В. зажимает рот, сползает со стула. Педагог, близорукко разглядывая ноты, очень смешна в своем серьезе, а я выделываю фиоритуры голосом молодого охрипшего петушка. Тут, посмотрев на С.В., все расхохотались.

Заканчивая обрывки моих воспоминаний о Софье Владимировне с благодарностью судьбе за встречу с такой грандиозной личностью. За то, что прошла целую жизнь рядом с ней. За то, что она отстояла меня перед А.Н. Арбузовым в «Годах странствий», веря в меня (роль не сразу «пошла»). С ее помощью Люся Ведерникова оказалась для меня одной из самых лучших, дорогих работ.

Елена ФАДЕЕВА